

ДВЕ ПАНЫ

Расскажу о двух замечательных женщинах. Это Пана Дмитриевна Живица и Прасковья (её чаще тоже называют Паной) Дмитриевна Коноплянникова. Одна — бывшая учительница, другая — домохозяйка. Одной за семьдесят перевалило, другой — за восемьдесят. Но ту и другую объединяет одно: тяга к творчеству. И стихи они сочиняют, и роли в спектаклях играют. А П. Коноплянникова ещё и поёт замечательно, и получает на различных фестивалях грамоты и дипломы.

Прасковья Дмитриевна, я думаю, тоже могла бы, как когда-то Лидия Русланова, украсить не одну столичную сцену, попади она в своё время в другие условия. Но судьба распорядилась иначе: всю жизнь свою она посвятила деревне, мужу, детям, внукам.

Потеряв любимого мужа, дочку, внука, своё утешение она нашла в творчестве, которое всегда сидело внутри неё. А сравнительно недавно Прасковья Дмитриевна ещё и актрисой стала. Вместе с П. Живицей, В. Логиновой и Н. Бариновой она с блеском сыграла роль обездоленной русской женщины в спектакле о стариках «Выходили бабки замуж». И мне, как режиссёру, приходилось удивляться: как будто она всю жизнь в театре играла. И природная естественность, и актёрство — всё это как будто всегда при ней было. «Думала, брошу, память уже плохая, да подводить коллектив стало неудобно, — призналась она как-то. — Вот и сыграла». Где не помнила — тут же, на ходу, свои слова придумывала, и мне трудно было отличить: где она, а где — автор...

В 2010 году мы вместе с нею выступали на краевом фестивале «Творчество ветеранов». Она там азартно исполняла свои собственные частушки, да ещё и стихи свои читала. Несмотря на свои болезни, на сцене она выглядела как королева, а голос её и без микрофона был слышен во всех уголках зала. И этот зал был от неё без ума, отчего она была безумно счастлива. Но наградили её в тот раз, наверное, по ошибке, только дипломом третьей степени.

Это ужасно её огорчило. Не ожидала она такой оценки жюри, потому что всегда была первой, а тут... Даже заплакала. «Не может быть, — всё повторяла она. — Пойду разбираться...»

Мне её горе и обида были понятны, потому как мы с Н. Бариновой вообще на этом фестивале потерпели фиаско. Наша стихотворная композиция «Мы не забыли той войны» была неожиданно прервана, потому что длилась более пяти

отведённых для выступления минут, а номеров со всего края было ещё ох как много!

Поогорчались мы, поогорчались, да что делать? И на старуху бывает проруха.

А Прасковья Дмитриевна после всех стрессов набирается новых творческих сил, чтобы вновь заявить о себе с большой буквы.

А что же Пана Дмитриевна Живица? Она великолепно сыграла роль скотницы Татьяны в спектакле «Старость не радость» по мотивам пьесы Н. А. Некрасова «Осенняя скука».

На счету у Паны Дмитриевны и другие роли. Например, в спектакле по пьесе А. П. Чехова «Юбилей» она ярко играет роль госпожи Мерчуткиной, вымаливающей для мужа деньги не там, где положено. Во многих концертах и в литературных гостиных читает с жаром стихи, а ещё успевает и знакомых с днём рождения поздравить (кому шоколадку подарит, кому торт). Ни про кого не забывает и плюёт на болезни, которых у неё, как и у многих, хоть отбавляй.

Горя на её долю тоже немало выпало. Потеря сына чего только стоила... Но творчество и любовь к людям спасают её. Всю жизнь проработала она учительницей, и бывшие ученики

П. Д. Коноплянникова (слева), П. Д. Живица

до сих пор помнят её, звонят, навещают. Это придаёт ей сил и настроения.

Она в гуще многих дел. Не последнюю роль играет в клубе ветеранов «Надежда». За все свои добрые дела недавно была награждена Почётным знаком Законодательного собрания. А ещё она сильно любит своих детей и внуков. Ими и живёт, и видит в них смысл жизни.

Правильно заметил кто-то из великих: «Земля держится на одержимых». Не за деньги отдадут они свои сердца людям, а по зову души.

Это я смело могу сказать и про Прасковью Дмитриевну Коноплянникову, и про Пану Дмитриевну Живицу.

ПРИМАДОННА ОТ ЧАСТУШКИ

Среди актёров, некогда игравших в Казачинском народном театре, на одно из первых мест я всегда ставлю обаятельнейшую Наталью Ивановну Карягину. Зрители старшего поколения наверняка помнят эту весёлую певунью, замечательную частушечницу и чудесную актрису, на которой было немало ролей в спектаклях по пьесам русских классиков.

Невысокого ростика, живая и общительная, она как никто умела зажигать и песней, и словом. Приехала она к нам из Тулы, похоронив мужа-дебошира. Приехала и окунулась в деревенскую жизнь, помогая своей дочери-фельдшеру Зое Александровне Берестовой воспитывать и родных, и приёмных детей. И сразу же по приезде в Рождественское, где жила и работала её дочь, пошла в местный клуб петь частушки. А тут мы со своим театром нагрязнули. Игра казачинских артистов ей очень понравилась, и она, не откладывая дел в долгий ящик, бодро заявила: «Хочу играть в вашем театре!»

А я в это время как раз работал над спектаклем «Женитьба Бальзаминова» по пьесе А. Н. Островского, и мне срочно понадобилась исполнительница на одну из главных ролей. «Вот она-то, — подумал я, — и подойдёт на роль странницы, разносящей из дома в дом городские сплетни». И говор её тульский, и умение побасенки рассказывать, частушки петь и приплясывать — всё это помогло ей создать живой, колоритный образ. Но премьера наша чуть не сорвалась, потому что вмешался «закон подлости».

На генеральной репетиции, как всегда, приплясывая и напевая, она загнулась о порог и плашмя упала на пол, потеряв

сознание. Кое-как мы отводились с нею, скорую помощь вызывали. Всё обошлось, но репетицию мы продолжать не смогли, так как у Натальи Ивановны отшибло память. «Верите, ничего не помню!» — заявила она. Что делать? На другой день — премьера. Как всегда, приедут смотреть спектакль критики из Красноярска.

Решили премьеру не отменять: «Будь день, будет пища!» И точно: переночевав у нас с Алевтиной Аркадьевной в доме, Наталья Ивановна оклемалась (мы повторили с нею текст), и вечером она играла так, что зал сотрясился от аплодисментов в её адрес.

Спектакль на краевом конкурсе театров получил диплом первой степени, был показан по телевидению, о нём было написано в журналах «Театр» и «Театральная жизнь», в краевых и столичных газетах.

Хорошо играли все, но особенно хорошо сыграла Наталья Ивановна. Как отметили критики, «она не играла, а жила». Жизненный опыт, богатый внутренний мир, полная раскованность на сцене помогли ей совершить чудо. А ведь в роли драматической актрисы Наталья Ивановна выступала в первый раз...

Но «коньком» на сцене у неё была всё же частушка. С нею она не расставалась никогда. В семидесятые годы она была участницей всех наших гастролей и по Казачинскому району, и по другим районам края. Нельзя сказать, что у неё был большой голос, нет. Но частушки она умела подавать так, как никто другой не мог, потому что она была врождённой актрисой, актрисой до мозга костей. И чёткость произношения, и мимика, и жест — всё у неё шло в ход. Каждая её частушка рисовала картину жизни, высвечивая наши пороки и недостатки.

После каждого концерта зрители — и взрослые, и дети — ходили за ней толпой.

Ездил с нами тогда и другой самородок, сейчас он поёт в Нью-Йорке (сам себя сделал, не зная нотной грамоты), Курбан Набиулин. Недавно он выступал на сцене Кремлёвского дворца. И мне приятно думать, что и у Натальи Ивановны, и у Курбана я был когда-то режиссёром. Курбан ведь тоже играл в нашем театре. Это было его первой школой, открывшей ему путь на большую сцену.

А с Натальей Ивановной у нас произошёл интересный случай в Новосибирске, городе моей молодости. Там я давным-давно заканчивал драматические курсы при театре оперы и балета, самом красивом театре области в те годы, успешно сыграл роль Хеверна-коммерсанта в спектакле по пьесе А. М. Горького «Зыковы» в театре «Красный факел». Его

поставил наш педагог, ныне покойный, заслуженный деятель искусств Роман Анатольевич Корох.

И вот в Новосибирске-то в шестьдесят каком-то году состоялся Всесоюзный фестиваль народного творчества, на который мы привезли нашу примадонну (тогда ей шёл уже седьмой десяток) Наталью Ивановну Карягину. Заведующей райотделом культуры тогда у нас была моя жена, Алевтина Аркадьевна Варыгина. Вот с нею-то мы и занимались организацией гастролей. Сшили Наталье Ивановне красивый сарафан для исполнения частушек, я сочинил ей также патриотические частушки, прославляющие «нашу прекрасную жизнь», и колесо завертелось.

И вот «театр уж полон...».

За столом перед сценой — авторитетная комиссия во главе с известным композитором, написавшим некогда замечательную песню «Веет свежестью ночь сибирская», Ваню Мурадели. На сцене — прославленные коллективы страны. Поют, читают стихи. Скоро наша очередь. От Красноярского края немало хороших коллективов. С нами приехала сама М. Сидорова, грозный начальник краевого управления культуры. В качестве аккомпаниатора — композитор, солист краевой филармонии Владимир Куксгаузен. Всеобщее волнение. И вот раздаётся голос ведущего: «На сцене — исполнительница частушек Наталья Ивановна Карягина, Казачинский район, Красноярский край!»

Наталья Ивановна смелая-смелая, а вся трясётся. Мы её успокаиваем: «Всё будет хорошо!» Волнуется и Куксгаузен. Ни минуты промедления. Мы чуть ли не вытаскиваем Наталью Ивановну на сцену. Рядом Куксгаузен. Мы наблюдаем из-за кулис.

«Хоть бы всё было нормально», — бормочу я. И вот в зал полетела первая частушка, сочинённая мною:

Так и льётся из души
Удаль молодецкая.
Обеспечила мне старость
Пенсия советская.
И-их!

Наталья Ивановна пустилась в пляс. Куксгаузен весело и мастерски подыгрывает на баяне. Зал аплодирует. Пока всё в порядке. Наша очаровательная исполнительница спела ещё несколько частушек, и все под аплодисменты. И вдруг она забыла следующую частушку. Баянист играет, а она не поёт, только автоматически всё приплясывает. Секунды кажутся вечностью.

«Всё, пропали!» — думаю я. Но бойцовский характер нашей конкурсантки не подвёл. Вдруг она запела что на память пришло:

Я купила колбасу
И в карман полóжила.
Уж как эта колбаса
Меня растревожила.

Шквал аплодисментов, но мы за кулисами все в транс: «Боже мой, она спела „аполитичную“ частушку! Что будет?»

За кулисы врывается разгневанная начальница управления культуры Сидорова. «Вы что делаете?! Вы что делаете?! Работать надоело?» Но пока она орала, Наталья Ивановна продолжала петь, и каждая её частушка сопровождалась взрывами хохота зала:

Я бядовая.
Избалованная,
Не хочу ложиться спать
Нецелованная.

**Н. И. Карягина (слева) и В. А. Логинова в спектакле
«Женитьба Бальзаминова»**

Хохотали от души все, а пуще всех хохотал сам Ваню Мурадели. И я понял, что народу нужно... Народу нужна не заказная официальщина, ему требуется народное искусство, идущее от земли. Наталью Ивановну приветствовали стоя. Она стала «гвоздём» фестиваля и заслуженно получила почётное звание лауреата.

Ушла она из жизни в семьдесят лет (а мы думали, она старше...). В жизни и народного театра, и художественной самодельности в целом она звездой сверкнула на нашем небосклоне. По праздничным датам вместе с профессионалами она выступала на многих красноярских сценах. Вызывали её телеграммой. А однажды они с заслуженным артистом России, исполнителем народных песен И. Суржиковым вдвоём дали большой концерт в театре имени А. С. Пушкина в Красноярске. Любому артисту «с периферии» об этом можно только мечтать.

Спасибо тебе, певунья из Тулы, спасибо за радость, доставленную людям!